КРУШИН Николай Семёнович был мобилизован белочехами и назначен писарем в штаб. Пользуясь служебным положением, он выдавал справки мобилизованным о том, что они освобождаются от военной службы окончательно. Проводил и другую подрывную работу. Об этом он сообщил в письме, отправленном с курьером, Проскурякову. Но письмо попало Нестерову, который выдал его белочехам. Н.С. Крушина арестовали и приговорили к повешению. Казнь проводили в Красноуфимске. Первый раз, после того, как выбили табуретку из-под его ног, казнимый встал. Во второй раз оборвалась верёвка. И только в третий раз приговор удалось привести в исполнение. Казнённый в 1919 году перевезён в Нязепетровск и захоронен в братской могиле.

Из материалов музейно-выставочного центра

Большевистский пропагандист

Улица Крушина одна из самых больших в Нязепетровске. По ней можно пройти с одного конца города на другой. Она, эта улица, не отличается от других.

Кто тот человек, чьим именем названа эта улица? Может быть, люди забыли о нем? Нет, такое не забывается.

Большевики нязепетровского подполья собирались обычно за городом на берегу Уфы. Это место было более безопасное. К нязепетровцам часто приезжал из Уфалея Сергей Мрачковский, организатор подполья. В дни его приезда рабочие уходили далеко в лес и к вечеру собирались на какой-нибудь поляне. Чтобы полиция не могла застать врасплох, выставляли охрану.

Сюда приходили самые надежные, самые верные делу пролетариата. На месте Мрачковского заменял Крушин – местный учитель. Он организовывал митинги, выступал. Любили его рабочие и доверяли ему.

А Степан Проскуряков, руководитель Красноуфимского подполья, даже советовался с ним, как лучше демонстрацию организовать, как провести забастовку. Часто видеться им не приходилось, а поэтому связь была по переписке, тайная.

… Нестерова знали все в округе. Обращались с ним почтительно, ломали шапку и улыбались, когда говорил Константин Алексеевич. А за глаза смеялись. Называли купчишкой. На самом деле купцом был отец Нестерова. Когда Константин подрос, отец выстроил дом, отделил от себя сына, дал ему небольшую лавку и велел жить как знает.

Константин Алексеевич все время мечтал разбогатеть и, как сам говорил, «стать человеком».

Волнения, которые в ту пору начались в народе, его задевали, не давали покоя. Нагнетали на душу тяжесть.

Как-то он послал своего работника в Красноуфимск, доставить товар.

- Смотри, особо-то не разгуливайся, - настаивал он.

- Как можно, хозяин, - соглашался мужик.

В Красноуфимске его встретил Проскуряков.

- Здорово, брат, как жизнь идет?

- Да не жалуюсь, Степан Тимофеевич, не жалуюсь.

Проскуряков наклонился к самому уху.

- Крушина знаешь?

-Знаю.

- Я верю, брат, ты свой человек.

- Как свой?

- А нам все бедные да притесненные свои. Уразумел? Так вот, держи письмо. Крушину передашь, хорошо?

- Ладно, передам, коль надо.

Передать письмо подпольщикам ему не удалось. Когда приехал домой и попросился у хозяина к Крушину, тот не отпустил.

- Зачем? Куда?

- Да Крушину письмо передать просили.

- Это учитель, что ли?

- Ну да, он и есть.

- А что за письмо?

- Откуда я могу знать? Проскуряков просил.

-А ну, дай сюда.

В управу Нестеров пришел прямо с этим письмом. А ночью Крушина арестовали. Потом перевезли в Красноуфимск и там повесили.

Вот какую историю таит в себе обыкновенная улица, одна из самых больших улиц в Нязепетровске.

Г. Михайлов, Ф. Тюленев.

Заря, 1966, 7 дек., с.2.